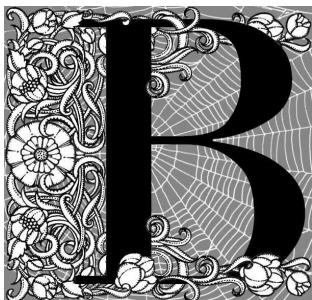

старинные времена, когда на свете еще водились драконы, жил на острове Сикоку один владетельный даймё, которого прозвали Печальный Князь. Раньше он был такой же как все, иногда печалился,

иногда веселился, но случилось большое несчастье. Княгиня, которую он любил великой любовью, умерла родами, и с того дня вдовец сделался другим человеком. Он носил только белые траурные одежды, беспрестанно лил слезы и сочинял стихи, от которых все вокруг тоже начинали плакать.

Например, такое стихотворение:

Ах, на сакуру
Без лепестков похоже
Засохшее сердце.

От нескончаемой печали бедный князь и впрямь иссох сердцем. Он несомненно умер бы, когда ис-

сыкли бы последние слезы, но они всё не кончались. От жены осталась маленькая дочка, и, глядя на нее, отец ненадолго забывал о своем горе, даже улыбался, а от улыбки сердце смягчается и увлажняется — оно обогащается элементом «вода», вода же и есть жизнь. Пока вся не вытекла, сердце не иссохнет.

Однако если уж злая карма-судьба на кого-то ополчилась, она не успокоится, пока не dokonает свою жертву.

Однажды тихим солнечным полднем Печальный Князь находился со своей дочуркой в саду и — большая редкость — смеялся, потому что малышка склонилась над прудом и пыталась ухватить за хвост красного карпа, а тот никак не давался.

Вдруг дунуло ветром — таким холодным, что трава покрылась инеем. Закрутились снежинки, завывала вьюга — а дело-то было летом! Вода в пруду мгновенно замерзла, застыли и все люди: князь с окоченевшей улыбкой на лице, его дочка, тянущаяся к карпу, служанки с лаковыми подносами и стражники с алебардами.

Они всё видели, всё слышали, только не могли пошевелиться.

Вокруг потемнело, раздался шелест, дохнуло морозом. Это заслонил собою солнце и устремился на добычу Хё-Рю, Ледяной Дракон.

Слышали вы о Ледяном Драконе? Нет? Теперь придется, никуда не денешься.

Знайте же, что ненавистнее и ужаснее дракона не было на всем белом и на всем черном свете.

А ведь драконов тогда было много, один страшней другого. Они нападали на людей и на целые города, жгли своей огненной слюной замки, пожирали вкусных, красивых девушек, на море топили корабли — вообще ужасно безобразничали. Герои из числа самураев и монахов-воинов вступали с драконами в единоборство. Чаще всего гибли, но бывало, что и побеждали. Однако никто и никогда не бился с Ледяным Драконом, потому что от его морозного дыхания любой богатырь превращался в недвижимый холодный камень.

Хуже всего в этом чудовище была его подлая жестокость. Драконы ведь тоже бывают разные. Попадаются среди них великодушные, кто способен на жалость, и благородные, кто не обижает слабых, и даже мудрые. А этот выбирал для расправы лишь тех, кто и так слаб, ранен, обездолен, уязвим. Ледяной Дракон любил отбирать у человека последнее: спалить лачугу бедняка, разлучить влюбленных, которые живут только друг другом, отобрать у матери единственное дитя. Разве могла такая гадина пропустить Печального Князя?

Самого дракона никто не увидел. Просто тьма стала крошечной, засвистел воздух и раздался детский крик. А когда вновь посветлело, девочки у пруда не было. Она исчезла.

Ледяной Дракон никогда не убивает того, кого человек любит, прямо у него на глазах. Дракон знает, что мука неизвестности хуже, чем мука утраты. Потому что рана утраты со временем заживает и превращается в шрам, а рана неизвестности кровоточит не переставая.

Все знали, что добычу Хё-Рю уволакивает в свое логово и что находится оно где-то на далеком севере, откуда приходят зимы. Никто еще оттуда не возвращался, но добрые духи, обитающие в мире мертвых, говорили, что не видали похищенных и там. «Может, они еще живы?» — думает оставшийся, и пустая надежда разъедает ему душу.

Потеряв дочь, князь из печального стал каменным. Лишь это его от смерти и спасло. Один святой отшельник посоветовал ему обрить голову, принять монашество и с утра до вечера читать Священную Сутру Лотоса.

Так князь и поступил. Он больше не выходил из своих покоев, лишь сидел, смежив веки, и повторял: «Верю в Священный Лотос, верю в Священный Лотос», а сам ни во что не верил, просто был каменный.

Каро — главный самурай, управлявший княжеством, — очень беспокоился за своего господина. Однажды он собрал во дворце всех вассалов и сказал им: «Дело нашей чести — вернуть господину дочь. Кто не побоится отправиться на север, в логово Ледяного Дракона, чтобы спасти княжну?».

Самураи закричали «я, я!», но лица их побледнели, ведь победить Хё-Рю невозможно. Не побледнел только один, и каро, зорко наблюдавший за воинами, это увидел. «Пойдет Итиро Румата!» — объявил он. Все остальные зашумели, зароптали, но про себя вздохнули с облегчением.

Главный самурай рассудил верно. Во всем княжестве не было молодца удалее, чем Итиро Румата. Все звали его «Большой Румата», потому что он вымахал ростом в восемь сажу и другие воины едва доставали макушкой до его локтя. Если вышиной Итиро превосходил обычного человека в полтора раза, то силой — вдвое, а храбростью — втрое. Одним словом, это был во всех отношениях превосходный воин.

Он поклонился главному самураю, быстро собрался в дорогу и отправился на север. Путь пред-

стоял трудный и долгий. Надо было пересечь море, потом пройти пешком большой-пребольшой остров Хондо, пересечь другое море, за которым лежала обширная земля Эдзо, а за нею начинался уже холодный океан, где обитал на Белой Горе грозный дракон.

Большой Румата шел всю осень, всю зиму, всю весну и все лето. Лишь год спустя оказался он в диких северных водах, куда не заплывали даже самые смелые рыбаки. Но один из них, унесенный в океан тайфуном, видел вдали Белую Гору и сказал, каким курсом до нее плыть.

И вот Итиро заметил торчащий из воды белый шлем с черно-красным плюмажем. Подплыл ближе, и оказалось, что это снежная гора, над которой курится дым и взметаются языки пламени. У Руматы горячо заколотилось сердце, но живот-хара, где обитает храбрость, остался тверд.

Самурай высадился на берег, поднялся до самой вершины вулкана, заглянул вниз, и даже такому герою стало не по себе.

Из огромной воронки вырывался яростный огонь, да не жаркий, как положено от природы, а морозный, но все равно обжигающий. Спуститься вниз можно было только скатившись по крутому ледяному склону прямо в эту пыхающую смертью преисподню. «Я погибну, и погибну зря», — ска-

зал себе Большой Румата, повернулся, сбежал с горы вниз и пустился в обратный путь.

Целый год добирался он до дому, а вернувшись, рассказал всем, что ему не хватило храбрости спуститься в морозное пламя. Попросил у главного самурая прощения за то, что подвел господина, вынул меч и сделал харакири — взрезал себе хару.

Из хары брызнула горячая кровь, а потом оттуда выскочил еще один Румата, точь-в-точь такой же и даже с двумя самурайскими мечами, но маленький, и мечи тоже маленькие. Все удивились, но не слишком, ибо древняя пословица гласит: «У труса в животе живет еще худший трус, а у храбреца еще больший храбрец». Большой Румата был великий храбрец, хоть и испугался Белой Горы, а живший у него внутри Маленький Румата был и того храбрей.

«Я знаю, где логово Ледяного Дракона! — сразу закричал он тонким детским голосом. — Я от-

правлюсь туда! Или спасу княжну, или жизнь положу, не будь я Дзиро Румата!».

«Дзиро» значит «второй». Так нового Румату и называли: Румата Второй.

Ростом он был всего в четыре саяку — как десятилетний мальчишка, но до того напорист и горяч, что казался крупнее. Каро посомневался было, но вспомнил поговорку: «кто мал, тот удал» и благословил Дзиро на подвиг. Все равно других добровольцев идти на край света за верной смертью не появилось.

Ноги у Маленького Руматы были вдвое короче, чем у Большого, поэтому до Белой Горы он добирался не один год, а два.

На вулкан тоже карабкался долго. Зато, оказавшись наверху, морозного огня и дыма не устрасился, а сел на лед, да и скатился вниз, легкий, как перышко.

Он пронесся через черный дым — не задохнулся, промчался через красное пламя — не сгорел и оказался на самом дне глубокой воронки. Там посередине зияла черная дыра, которая то смыкалась, то размыкалась, и веяло из нее несказанным ужасом. Она так и называлась — Дыра Ужаса.

Одно мгновение эта жуткая пасть земли была такой ширины, что десять колесниц проедут; в другое — сжималась до пяти сунов. И ладно бы дыха-

ние было мерным, так нет же: края ходили туда-сюда безо всякого порядка — не угадаешь, когда сойдутся, а когда разойдутся.

То были врата в подземный дворец Ледяного Дракона. Он один знал, как дышит пасть, и потому влетал и вылетал безо всякой помехи.

Бесстрашный Дзиро не испытал ужаса, ибо не ведал этого чувства, лишь уловил противный запах, исходящий из дыры. Одной рукой он зажал свой маленький нос, другой выхватил маленький меч и с криком «бандзай!» кинулся в раскрывшийся черный зев. Но тот мгновенно сжался в крохотное отверстие, и Румата Второй лишь ушибся о ледяную твердь. Хоть он был невелик, но в такую дырку пролезть не мог.

Храбрец поднялся, стал ждать, когда врата снова откроются. Дождался, ринулся вперед еще быстрее — и опять не успел.

Он пробовал много раз. Покрылся синяками и ссадинами, набил шишки, обморозил руки, сломал меч, которым пытался расковырять дыру пошире, и наконец понял, что внутрь не попадет.

Тогда Маленький Румата горько заплакал. Храбрецы ведь тоже плачут, когда видят, что не все заковыки можно решить одной храбростью.

И пустился Дзиро в обратный путь. Два года плыл, шел, опять плыл и опять шел. Вернулся в род-

